

Д. В. Ильин

**Советский Союз и проблема послевоенной безопасности:
взгляд с Капитолийского холма (1943–1945 гг.)**

В статье рассматриваются позиция американских законодателей по двум основным вопросам: международная организация безопасности и будущее стран Восточной Европы. Автор приходит к выводу, что к концу войны в Европе в настроениях сенаторов и конгрессменов преобладала ориентация на сотрудничество с Советским Союзом, но при условии доминирования американских принципов и взглядов.

Ключевые слова: Конгресс США, советско-американские отношения, Вторая мировая война, Восточная Европа, Польша.

D. V. Ilyin

**The Soviet Union and the Problem of Postwar Security:
a Point of View from Capitol Hill (1943–1945)**

In the article is considered the position of American legislators on two main questions: the international security organization and future of Eastern Europe. The author comes to the conclusion about prevalence of the cooperation approach to the Soviet Union in condition of American predominance of principles and views.

Keywords: U. S. Congress, Soviet-American relations, World War II, Eastern Europe, Poland.

В 1943 г. завершился коренной перелом в ходе Второй мировой войны. После побед антигитлеровской коалиции под Сталинградом и на Курской дуге, в Тунисе и на Мидуэ стало очевидно, что поражение «оси» – лишь вопрос времени.

Все более актуальным становился вопрос о послевоенном устройстве мира. Американские сенаторы и конгрессмены проявили живой интерес к данной проблеме. Роль Конгресса в послевоенном планировании была освещена в ряде работ американских историков [1, 5, 8], однако отношение американских парламентариев к «советскому фактору» этого сложного и многогранного процесса не получило должного рассмотрения в литературе. Автор настоящей статьи, не претендуя на окончательность выводов, стремился показать динамику и основные подходы Конгресса к перспективам сотрудничества СССР и США в деле поддержания мира.

Уже в начале рассматриваемого периода позиция сенаторов и конгрессменов в отношении советско-американского взаимодействия отличалась дуализмом. С одной стороны, идея тесного сотрудничества Соединенных Штатов с Советским Союзом, Великобританией и другими странами в деле поддержания мира и безопасности

имела поддержку среди подавляющего большинства американских законодателей. Осенью 1943 г. резолюции Фулбрайта и Коннэлли, выразившие лояльное отношение Конгресса к данному проекту, были приняты с ошутимым перевесом в голосах (360 на 29 в нижней палате, 85 на 5 – в верхней) [11, р. 7728–7729, 8221–8222]. С другой стороны, возможные сценарии урегулирования политических проблем, которые касались советского государства, вызывали у парламентариев серьезное беспокойство.

Главное внимание было сосредоточено на судьбе территорий, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. (Прибалтики, Бессарабии, бывших польских земель Западной Украины и Белоруссии), а также Финляндии. Наличие мощного польского лобби в Конгрессе (особенно в его нижней палате) придавало вопросу о западной границе Советского Союза дополнительную остроту. Впрочем, действия сенаторов и конгрессменов по польской теме весной – летом 1943 г. носили скорее алармистский, нежели ярко выраженный антисоветский характер. Так, сенатор-республиканец от штата Коннектикут Д. Данахер при обсуждении итогов Московской конференции министров иностранных дел, которые не

внесли ясности ни в вопрос о границах, ни в судьбу восточноевропейских стран, напомнил своим коллегам, что «существуют тысячи парней польского происхождения, сражающихся по всему миру с твердой уверенностью, что помогают восстановить довоенные границы своей исторической Родины» [11, р. 8929].

Возможность советской экспансии в Восточную Европу пока еще воспринималась законодателями как потенциальная, а не реальная угроза, на которую, тем не менее, следовало как-то отреагировать официально Вашингтону. В ходе дебатов в Сенате по упомянутой выше резолюции Коннэлли сенаторы Р. Рейнольдс (демократ, Северная Каролина) и Эдв. Джонсон (демократ, Колорадо) предложили поправки, гарантировавшие независимость и территориальную целостность малых государств в послевоенном мире [11, р. 8939–8940, 9006]. За несколько месяцев до этого при пролонгации ленд-лиза республиканцы Э. О'Конски и А. Ванденберг выразили недовольство излишней скрытностью Москвы при согласовании с союзниками планов послевоенного устройства мира [11, р. А1109, 1848].

Однако общая картина унастроений Конгресса не ограничивалась алармистским подходом. Отдельные законодатели полагали, что слухи о большевизации Европы инспирированы пропагандистской машиной Г. Геббельса, а состав и характер правительств сопредельных с СССР государств будет мало волновать советское руководство, если те не будут явно враждебны СССР [11, р. А4156]. Другие же, считая неизбежной большевизацию Европы после окончания войны, не видели в этом никакой угрозы политическим интересам США [11, р. А5121–5122]. Наиболее консервативные политики настаивали на ужесточении курса Вашингтона в отношении с союзниками, и в первую очередь – с Россией [11, р. А4136].

По мере приближения советских армий к западной границе СССР, а также по мере увеличения градуса предвыборной борьбы в Соединенных Штатах восточноевропейские мотивы в высказываниях политиков звучали все чаще. Советские намерения в отношении стран Восточной Европы прояснялись с каждым днем, и теперь уже обитателей Капитолия беспокоила не столько неясность планов Москвы, сколько неопределенность позиции и бездействие американской дипломатии. В конце марта 1944 г. конгрессмен Т. Василевски (демократ, Висконсин), позиционировавший себя как сторонник президента

Ф. Рузвельта, подверг критике молчаливо-выжидательную позицию Белого дома и Госдепартамента по восточноевропейской проблематике. Представитель Висконсина предрекал, что молчание США неизбежно будет истолковано в Москве как согласие с планами экспансии, и это поставит крест на всеобщих мечтах о длительном мире. Конгрессмен призвал администрацию Рузвельта выступить с публичным заявлением о «непризнании любых односторонних изменений границ» [12, р. А1646–1647].

Аналогичные мысли высказывали и представители «великой старой партии», от которых а priori было сложно ожидать положительных отзывов о внешней политике президента. К примеру, С. Бриджеса, консервативного сенатора из Нью-Гэмпшира, крайне интересовал вопрос о том, что именно Соединенные Штаты намерены противопоставить тем своим союзникам, которые «могут иметь территориальные и властные амбиции». Пытливый ум сенатора не смог найти внятного ответа в действиях исполнительной власти [12, р. 186]. Представитель Огайо Р. Тафт полагал, что внешняя политика США «основана на идеалистическом убеждении, будто мистер Сталин превратится в ангела и добровольно сделает все то, на чем мы должны были настаивать с самого начала» [9, р. 554].

Основным орудием в руках парламентариев, критиковавших пассивность американской дипломатии, стали положения Атлантической хартии 1941 г., гарантировавшие другим странам неприкосновенность от произвольного изменения границ и вмешательства во внутренние дела со стороны великих держав. В речах сенаторов и конгрессменов регулярно упоминались Финляндия, Балканы, Чехословакия и даже Латвия, однако главным информационным поводом для выпадов против администрации оставалась Польша [12, р. 2302, 3888, А2116, А3731, А4822].

3 мая 1944 г. более сотни законодателей (как в Палате представителей, так и в Сенате) отметили выступлениями и приветственными адресами, посвященными годовщине принятия польской Конституции 1791 г. Многие заявления носили политически нейтральный характер и просто отдавали должное прогрессивному характеру Конституции и героизму сражающихся поляков, но значительная группа законодателей сместила акценты на острое противоречие между принципами Атлантической хартии и политикой Москвы в отношении Польши и других сопредельных государств. «Если Польша должна стать свобод-

ной, то Атлантическая хартия должна быть не просто пустыми словами», – с пафосом восклицал мичиганский сенатор-республиканец Г. Фергюссон [12, р. 3890]. Конгрессмен Д. Беннет, однопартиец и земляк Фергюссона, прямо обвинял Советский Союз в полнейшем пренебрежении принципами соглашения, подписанного у берегов Ньюфаундленда в 1941 г. [12, р. А2136].

Состоявшаяся весной 1944 г. поездка в СССР епископа С. Орлеманьского и профессора О. Ланге, призванная улучшить образ советского государства в глазах поляков, лишь спровоцировала пропольски настроенных членов Конгресса на новые выпады. Конгрессмен Д. Динджел (демократ, Мичиган) утверждал, что Орлеманьский «запятнал свое одеяние священнослужителя рабованием перед Сталиным и теми, кто предал польский народ и Римско-католическую церковь» [12, р. 3931]. Д. Лесински, еще один конгрессмен из Мичигана, недоумевал, почему Ланге и Орлеманьский не были внесены Госдепартаментом в списки агентов иностранного влияния, и даже предложил «посадить всех коммунистических агитаторов и их сторонников на корабль и отправить в Россию» [12, р. А2148].

Анализируя «кампанию 3 мая», помощник госсекретаря Б. Лонг, в компетенцию которого входило поддержание связей между Госдепом и Конгрессом, пришел к выводу о том, что разрешить советско-польский пограничный спор и одновременно удовлетворить американских поляков будет крайне трудно. Озабоченность Лонга была обусловлена тем, что от голосов американцев польского происхождения во многом зависел исход выборов в таких штатах, как Иллинойс, Огайо, Нью-Йорк и Пенсильвания [7, р. 354].

После создания лояльного Москве Комитета национального освобождения (Люблинское правительство) и разгрома Варшавского восстания общий смысл выступлений и материалов по польской тематике остался прежним. Эмоциональная тональность стала более пессимистичной: принципы Атлантической хартии теперь уже рассматривались не столько как политический ориентир, а как воплощение идеалов, попорченных силовой политикой Советского Союза. Люблинское же руководство вполне ожидаемо было охарактеризовано как «марионеточная организация», управляемая из советской столицы [12, р. А3546, А4822, 4844].

Восточноевропейский фактор наложил серьезный отпечаток на работу так называемого «комитета восьми» – неформального совещательно-

го органа, созданного госсекретарем К. Хэллом в апреле 1944 г. для согласования с сенаторами американского проекта новой международной организации безопасности. В общих чертах документ, предложенный Хэллом, вызвал положительные отзывы сенаторов. Даже Ванденберг, имевший до войны репутацию лидера изоляционистов, отзывался о нем с одобрением. Однако ряд сенаторов настаивал на том, что новая «лига» сможет начать свою работу только после урегулирования конкретных проблем, в первую очередь – территориальных. Р. Ла Фоллет, У. Джордж, Ванденберг и другие члены комитета не скрывали, что их серьезно беспокоят намерения СССР в отношении Польши и Прибалтики [14, р. 96]. Следствием жесткой позиции «восьмерки» стало то, что Хэлл так и не добился от собеседников письменной поддержки своих предложений.

Следует отметить, что действия сенаторов и конгрессменов, находившихся под влиянием антисоветски настроенных этнических групп, не отражали всю палитру подходов и мнений парламентариев. В приложениях к протоколам Конгресса лета–осени 1944 г. есть ряд газетных публикаций и писем, выдержанных в духе толерантности к Советскому Союзу и его внешней политике. В сентябре конгрессмен-демократ от штата Нью-Йорк Э. Селлер поместил в «Конгрешнл рекорд» серию публикаций по советской тематике, особо оговорив, что «не защищает прямо или косвенно русский коммунизм или любой другой коммунизм». Автор одной из них, желая подчеркнуть, что советские политические и экономические стандарты порождены сложным геополитическим положением России и объективными историческими условиями, риторически вопрошал: «Будь Канада гитлеровской Германией, а Мексика – Японией, были бы мы в Соединенных Штатах столь либеральны в своих взглядах?» [12, р. А4133]. В аналогичном ключе были выдержаны материалы конгрессменов У. Роузена и Д. Флэннагана (демократы, Иллинойс и Вирджиния соответственно), выступление сенатора А. Кэппера (республиканец, Канзас) [12, р. 3674, А3350, А3929].

Однако знаковым материалом, более точно отражающим настроения Конгресса конца 1944 г., следует признать редакционную статью из «Нью-Йорк Таймс», приуроченную к годовщине установления дипломатических отношений между Вашингтоном и Москвой. Статья «Салют России», помещенная в «Конгрешнл рекорд» рес-

публиканцем Ч. Мэрроу (Нью-Гэмпшир), утверждала мысль о том, что противоречия между США и СССР как в сфере идеологии, так и в сфере международных отношений не будут полностью устранены с окончанием войны. Тесное послевоенное сотрудничество двух государств виделось вполне реальным, хотя и признавалось, что «Россия колеблется между коллективной безопасностью... и личной безопасностью, основанной на односторонней корректировке границ и блоке буферных государств» [12, р. А4421].

В целом подход американцев (как рядовых граждан, так и политиков) к Советскому Союзу можно уподобить весам, на одной чаше которых лежало международное сотрудничество, на другой – советская политика в Восточной Европе. Первая из них пока перевешивала, но динамика осени-зимы 1944 г. не внушала оптимизма. С июня по декабрь доля американцев, доверяющих СССР в вопросах послевоенного сотрудничества, сократилась на 11 % [6, р. 194]. В конце декабря парламентский корреспондент «Нью-Йорк Таймс» А. Друри отмечал в своем дневнике: «Столкнувшись с возрождением силовой политики в Европе ... Сенат начал скатываться обратно к изоляционистской подозрительности» [2, р. 322].

В сложившейся неопределенной ситуации сенатор Ванденберг, считавшийся ведущим экспертом республиканцев в сфере международных отношений, решил взять инициативу в свои руки и 10 января 1945 г. выступил в Сенате с большой речью по вопросам внешней политики. За предшествующие недели текст выступления подвергся мичиганским сенатором многочисленным правкам – окончательный вариант был, по меньшей мере, двенадцатым по счету. Первоначально текст носил ярко выраженную антисоветскую направленность, однако под влиянием обозревателя «Нью-Йорк Таймс» Д. Рестона Ванденберг сместил акценты в сторону международного сотрудничества [10, р. 238].

Наибольшей критике подверглись не Москва или Лондон за свою приверженность политике сфер влияния, а собственное американское правительство за упорное нежелание что-либо противопоставить такому курсу. «Мне неизвестна причина, по которой мы должны быть единственным молчаливым участником Великого альянса», – отмечал Ванденберг, призывая к максимально открытому диалогу.

Влиятельный республиканец осудил действия СССР, направленные на установление контроля над Польшей и другими странами Восточной Ев-

ропы, но в то же время считал их «совершенно понятными». Истоки агрессивной политики Москвы он видел в угрозе рецидива германской агрессии. В качестве «противоядия» от советских страхов и советской экспансии сенатор предложил членам Большой Тройки как можно скорее подписать договор, прописывающий конкретные механизмы и обязательства держав по вечной демилитаризации поверженной Германии, а также Японии.

Такой договор виделся ему только как дополнение, но не как альтернатива будущей всемирной организации. Пожалуй, впервые в годы войны бывший лидер изоляционистов в публичной речи выступил столь прямо и безоговорочно в поддержку участия США в международной организации: «Я желаю максимального американского сотрудничества, совместимого с законными американскими интересами ... чтобы успешно реализовать основную идею Думбартон-Окса» [13, р. 164–167].

Выступление Ванденберга вызвало многочисленные положительные отклики в американском обществе. За несколько дней количество благодарственных писем и телеграмм, которые были направлены в офис сенатора, превысило объем корреспонденции за все предыдущие годы [10, р. 240]. Опросы службы Гэллапа показывали, что 56 % сторонников Рузвельта и 53 % американцев, голосовавших за республиканца Т. Дьюи, поддерживали подписание соглашения о демилитаризации Германии еще до окончания войны [4, р. 491]. Влиятельный обозреватель «Нью-Йорк Таймс» А. Крок полагал, что Ванденберг «подарил надежду освобожденным народам Европы, решения за которых принимают их могущественные соседи» [13, р. А119].

Реакцию Белого дома также следует признать положительной. 11 января Рузвельт принял у себя членов сенатского Комитета по внешней политике и проинформировал их о вопросах, которые намеревался обсудить со Сталиным и Черчиллем в Ялте. Уже перед отбытием в Крым по указанию президента среди членов американской делегации был распространен текст выступления Ванденберга [3, р. 170].

Ход и итоги Ялтинской конференции показали, что инициатива сенатора о специальном соглашении по Германии не повлияла на позицию великих держав по германскому вопросу. Однако его призыв к отказу от политики «непредрешения» территориальных и политических вопросов, к отстаиванию американских принципов по-

строения послевоенного мира нашла отражение в Ялтинских договоренностях, в частности – в «Декларации об освобожденной Европе» и соглашениях по Польше.

Первичная реакция Конгресса на итоги Ялты была позитивной. В большинстве своем законодатели, как республиканцы, так и демократы, с оптимизмом и радостью оценивали достигнутые договоренности [13, р. 1026, 1044, 1167, А705–706]. Однако по мере того, как буква крымских соглашений все более вступала в противоречие с реальной политикой Москвы, в речах конгрессменов и сенаторов усилились критические ноты. Б. Уилер считал, что «Декларация об освобожденной Европе» была «не более чем риторическим жестом», который все равно не предотвратил бы установление советского контроля над Восточной Европой [13, р. 1470].

Польская тематика продолжала оставаться главным источником негатива. Конгрессмен Д. Райтер (демократ, Коннектикут) полагал, что ялтинские решения по Польше «можно назвать соответствующими Атлантической хартии только при сильно разыгравшемся воображении» [13, р. А1064]. Представитель Коннектикута, равно как и его однопартиец из Висконсина Т. Василевски, ратовали за пересмотр ялтинских решений по Польше на конференции в Сан-Франциско, где планировалось принять Устав ООН [13, р. 2696, А1758]. Их критика, весьма умеренная и осторожная, меркла по сравнению с резкими заявлениями еще одного конгрессмена из Висконсина – республиканца Э. О'Конски. По его словам, положение дел в Польше было катастрофическим: перебои с продовольствием, бесчинства советских солдат, репрессии НКВД, полнейшая неспособность люблинских поляков к самостоятельному управлению страной [13, р. А1174, А1347, А2158–2159].

Ванденберг, считавший ялтинские решения по Польше «совершенно неудовлетворительными», выступить с открытой критикой не спешил – статус члена американской делегации на конференции в Сан-Франциско ко многому обязывал. Однако выход был найден – сенатор предложил к американскому проекту Устава ряд поправок, которые наделяли ООН правом пересматривать обязательства и международные соглашения, достигнутые в годы войны. Ванденберг не скрывал, что его инициатива была ориентирована в первую очередь на польскую проблему [13, р. 148, 168, 170]. В Сан-Франциско поправка Ванденберга, расширившая полномочия Генеральной

Ассамблеи по пересмотру имеющихся соглашений, получила поддержку профильной комиссии, однако под самый занавес работы конференции была удалена из итогового текста под давлением советской стороны [15, с. 560, 565, 577–579].

Комментарии большинства сенаторов и конгрессменов периода работы конференции Объединенных Наций отличались, с одной стороны, оптимизмом и верой в возможность сотрудничества, с другой стороны – тревогой. Сенатор-республиканец Г. Фергюссон в начале мая отмечал: «Будущий мир должен быть основан на твердом взаимопонимании между Советским Союзом и Соединенными Штатами» [13, р. 4111]. Ему вторил демократ Д. Кофи: «Если Россия отвернется [от нас], то состояние военного лагеря, в котором пребывает планета, не прекратится» [13, р. А2473]. При этом первый желал получать как можно больше информации о положении дел в Восточной Европе и призывал Молотова допустить американских корреспондентов в регион, второго беспокоила неторопливость Москвы в обновлении состава польского правительства. Ванденберг, на долю которого выпала основная тяжесть переговоров с советской делегацией, в середине июня 1945 г. подчеркивал в своих дневниковых записях, что «готов иметь дело с Россией на дружественных основаниях», но при условии полной откровенности и искренности между союзниками [14, р. 209].

В июле 1945 г. Устав ООН, ставший результатом компромисса как с американской, так и с советской стороны, был успешно ратифицирован Сенатом при подавляющем большинстве голосов (89 против 2) [13, р. 8190]. Конгресс сказал свое слово. Будущее новой организации теперь зависело от конкретных действий великих держав, прежде всего – СССР и США.

Подводя итоги, в первую очередь следует отметить, что в 1943–1945 гг. большинством законодателей Советский Союз мыслился как партнер в деле поддержания безопасности и мира на планете, а не как потенциальный противник. Активность польского лобби, а также отдельные выпады изоляционистов, пытавшихся разыграть «советскую карту», чтобы завалулировать несостоятельность старой внешнеполитической парадигмы, пока не имели ощутимых последствий.

Налицо было два базовых подхода к перспективам американо-советского сотрудничества. Либерально настроенные последователи президента Рузвельта во главу угла ставили создание

международной организации безопасности, в рамках которой надлежало решать накопившиеся проблемы. Умеренные консерваторы, признавая необходимость подобной организации, обуславливали конструктивное взаимодействие между двумя государствами корректировкой политики Москвы в странах Восточной Европы в соответствии с принципами послевоенного мира, изложенными в Атлантической хартии. К концу войны в Европе наблюдается постепенное сближение первого и второго подходов на базе неприятия советской политики в сопредельных государствах. Последнее создавало условия для дальнейшего ухудшения двухсторонних отношений, вылившегося к концу 1940-х гг. в «холодную войну».

Примечания

1. Divine R. Second Chance: Triumph of Internationalism in America during World War II [Text] / Robert Divine. – N. Y. : Atheneum, 1967.
2. Drury A. A Senate Journal [Text] / Allen Drury. – N. Y. McGraw Hill, 1963.
3. Gaddis J. L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947 [Text] / John Gaddis. – N. Y. – L. : Columbia University Press, 1972.
4. Gallup G. The Gallup Poll: Public Opinion, 1935 – 1971. Vol. 1. 1935–1948. N. Y. : Random House, 1972.
5. Hoopes T. , Brinkley D. FDR and Creation of the U. N. [Text] / Townsend Hoopes. – New Haven – L. : Yale University Press, 1997.
6. Levering R. American Opinion and Russian Alliance [Text] / Ralph Levering. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1976.
7. Long B. The War Diary of Breckenridge Long [Text] / Edited by F. Israel. – Norman: University of Nebraska Press, 1966.
8. Russell R. A History of the UN Charter. The Role of the United States. 1940–1945. [Text] / R. Russell. – Wash. : Brookings Institution, 1958.
9. Taft R. The Papers of Robert A. Taft [Text]. Vol. 2. 1939–1944. – Kent: Kent University Press, 2001.
10. Tompkins D. Senator Arthur H. Vandenberg: the Evolution of Modern Republican [Text] / David Tompkins. – Ann Arbor: Michigan State University Press, 1970.
11. U. S. Congress. Congressional Record. Proceeding and Debates of 78th Congress. First Session. Vol. 89. [Text] – Wash. : USGPO, 1943.
12. U. S. Congress. Congressional Record. Proceeding and Debates of 78th Congress. Second Session. Vol. 90. [Text] – Wash. : USGPO, 1944.
13. U. S. Congress. Congressional Record. Proceeding and Debates of 79th Congress. First Session. Vol. 91. [Text] – Wash. : USGPO, 1945.
14. Vandenberg A. , Jr. The Private Papers of Senator Vandenberg [Text] / Arthur Vandenberg, Jr. – Boston: Houghton Mifflin, 1952.
15. Советский Союз на конференциях периода Великой Отечественной войны [Текст] : в 6 т. Т. 6. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. – М. : Изд-во политической литературы , 1984.